Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвртр. 1 злр. 10 кр. на мѣстцн 4 злр.

ЗОРЯГАЛИЦКА

Предплата отбираетъся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 39 Львовъ, 23 Вересня 1856. РОКЪ XI.

КЪ ОТЧИЗНѢ

Пѣснь

Отчизно свята
Вседражайшая!
Ты дала мнѣ первожитье
Чувствъ небесныхъ первобытье,
Ты мати моя!
Ты мати моя!

На лонѣ твоемъ
Я счастливъ со всемъ,
Пусть и ночи черны хмары
И судьбы тяжки удары
Мѣшаютъ житьемъ —
Мѣшаютъ житьемъ.

Я неразъ страдавъ
О тебѣ мечталъ,
И душа къ тебѣ прильнула
И страданій непомнула
Я тебя лишь зналъ —
Я тебя лишь зналъ.

Всѣ думы мои
И чувства святы
Лишь тобой всегда заняты;
А въ твоемъ родномъ объятьи
Тучи не страшны —
Тучи не страшны!

Отчизно свята
Вседражайшая!
Влій въ мою душу больную
Влій надежду молодую —
Ты мати моя! —
Ты мати моя!

Гушалевичъ

ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ ИМЯ „БЕССАРАБІЯ"?

(конецъ)

Оу тѣхъ послѣднихъ Бессовъ, имя „Бессарабъ" являетъся также именемъ вождя, только гораздо позже: въхроницѣ безъименного архидіакона Гнѣзенского оно оупоминаетъся подъ 1259 годомъ и отъ него производитъся областное наименованіе теперѣшней Бессарабіи. Справимъся съ событіями. Съ VII по XIII вѣкъ, много здѣсь протекло воды, много было волненій и перекоротовъ. Балканскіи Бессы не осталисъ спокойными въ своихъ новыхъ жилищахъ на Олтѣ. Скоро въ Карпаты ворвались Мадяры, и оттуда бурнымъ потокомъ начали сливатись въ долину Дуная: Король Венгерскій Стефанъ I, съ 1004 года, владѣлъ оуже всею Трансильванією или нынѣшнимъ Семиградскимъ княжествомъ. Съ другой стороны Болгаре, которыи вѣроятно были виновниками и первого переселенія Бессовъ съ Балкана за Дунай, не оставляли ихъ здѣсь въ покоѣ: въ 1204 году, король Болгарскій Іоанникій въ самомъ сердцѣ Малой-Валахіи заложилъ городъ, который наименовалъ Краіовомъ, то-есть „Краемъ-Іоанникія (сокращенно по Болгарски — „Іо.") Само собою разумѣетъся, что, при такомъ

стѣсненіи съ обѣихъ сторонъ, Бессарабамъ на Олтѣ стало дȣшно; что-жь естественнѣе было, ꙗкъ не двинȣтись дальше на сѣверо-востокъ, къ своимъ оусть-дȣнайскимъ братамъ, въ нынѣшнюю Бессарабію? Такъ показаніе Гнѣзенского лѣтописца совершенно соглашаетсѧ съ фактами. Смȣты, воспослѣдовавшіѧ въ Болгаріи и въ Венгріи въ концѣ XIII столѣтіѧ дали возможность Радȣлȣ-Черномȣ, воеводѣ Бессовъ, попавшихсѧ въ Трансилваніи подъ власть Мадѧровъ, возстановити независимость Валахіи, къ которой присоединилсѧ и Краіовскій Банатъ. Радȣлъ и его преемники оудержали за собой почетный титȣлъ „Бессарабовъ"; около 1356 года Бессараба, банъ Краіовскій, отдалъ свои владѣніѧ въ приданое за дочерью, котораѧ вышла замȣжъ за Оуроша V королѧ Сербского. Но имѧ Бессарабіи, ꙗко земли, осталось исключительно за Бессарабіею нынѣшнею, откȣда Барбȣлъ въ XV в. воротилсѧ наконецъ опѧть въ сторонȣ своихъ дѣдовъ, побывавъ впрочемъ прежде въ Сербіи. Тѣ частыѧ свѧзи Бессарабовъ съ Сербіей показываютъ, что они знали свое къ ней отношеніе, что они сами-себе считали Бессо-Сербами. И не отсюда-ли произошло Тȣрецкое названіе „Ꙗкъ- Сербъ"- Бѣлаѧ Сербіѧ- сотвѣтвȣющее землѣ Бессарабовъ? Тѣмъ волѣе то вѣроѧтно, что народное имѧ „Бессовъ," представлѧло такое близкое созвȣчіе съ „віѧзъ," однозначительнымъ оу Тȣрковъ съ словомъ „акъ" — „бѣлый." Стало быти, имѧ, носимое нынѣ Бессарабскою областью, было слѣдствіемъ вторичного ославѧнствованіѧ древней Дакіи, которȣю Римлѧне околошили. Впрочемъ то ославѧнствованіе было оуже не столько народное, сколько политическое. Завоевательное колѣно Бессо-Сербовъ, вѣроѧтно меньшее въ численномъ количествѣ, не могло преодолѣти Волошского характера въ потомствѣ колоній Рима. Ꙗзыкъ народа, покорствовавшаго Бессарабамъ, осталсѧ Рȣмȣнскимъ; но ꙗзыкъ вѣры, гражданского етикета, ꙗзыкъ всѣхъ главныхъ общественныхъ оусловій и приличій, съ возвращеніемъ Бессовъ въ Дакію, ꙗвлѧетсѧ бессо-сербскимъ, Славѧнскимъ. Ꙗкаѧ странная игра сȣдьбы! Нѣкогда народныѧ имена Славѧнъ, оу предковъ нынѣшнихъ Рȣмȣновъ, были синонимами „рабства" (Davus, Geta, Servus;) теперь, оу потомковъ древнихъ Римлѧнъ, названіѧ власти и чести всѣ почти Славѧнскіѧ (господаръ, боѧръ, дворникъ, чашникъ, постельникъ, и томȣ подобныѧ). Ꙗко народъ Бессо-Сербы скоро поглотились большинствомъ Рȣмȣновъ, оставивъ только свои преданіѧ при дворѣ державныхъ Бессарабовъ! ихъ ꙗзыкъ, долго держалсѧ въ исключительномъ оупотребленіи длѧ всѣхъ высшихъ цѣлей общественной и госȣдарственной жизни, былъ единственнымъ освѧщеннымъ ꙗзыкомъ богослȣженіѧ, дипломаціи, законодательства, и вообще книгъ; да и теперь, по крайней мѣрѣ бȣквы, оупотреблѧемыѧ Рȣмȣнами, все еще Кириловскіѧ, Славѧнскіѧ. Весьма вѣроѧтно, что Бессы издревле страшны были своимъ сосѣдамъ, даже и единоплеменнымъ; оттого во многихъ Славѧнскихъ нарѣчіѧхъ имѧ ихъ сдѣлалось синонимомъ „злыхъ дȣховъ." Но, стѣсненныи отсюдȣ, они наконецъ „перебѣсились," завѣщавъ свое молодечество продолжавшимсѧ почти до нашихъ временъ сѣчамъ Козаковъ, оуклонившихсѧ глȣбже, въ широкое лоно степей. Хищныи гайдамаки, до самого ихъ оуничтоженіѧ, слыли „бѣсовыми дѣтьми" въ мирныхъ Оукраинскихъ хижинахъ.

ȢТРО И ДЕНЬ.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженїе.)

„То мене тѣшитъ, что таѧ добраѧ дѣвчина оудостоилась лȣчшей сȣдьбы! впрочемъ что скажете мнѣ больше?

— „Вотъ теперь, коли оуже счастливою есь при твоемъ мȣжѣ, могȣ тебѣ сказати, что Стефанъ отъ того времени, коли исчезъ, ѧко волкъ подъ карабиномъ шатаетсѧ. Присталъ онъ своевольно въ солдаты!„

„Стефанъ! Стефанъ! . . ей! вы всегда чтось напоминаете, что до ладȣ не прикасаетсѧ, а ваше господарство ѧкъ ведетсѧ?"

— „Довольно добре! Но, о! мой Боже! ѧкась непонѧтна тоска стискаетъ мнѣ сердце. Ахъ! Ганȣсю люба! чемȣ ты такъ хладнокровною есь къ твоемȣ доброжелательномȣ стрыю! Можетъ быти стыдаешьсѧ той грȣбой сȣкманы, несходной съ твоимъ золотомъ?

Пȣсти тȣю свѣтнȣ гадкȣ, а если гнȣшаешьсѧ въ мои жесткїи объятїѧ приближитись, то оучти мене по крайней мѣрѣ честнымъ словомъ и благодарнымъ взоромъ, а ѧ бȣдȣ счастливѣйшимъ отъ всѣхъ людей". . . . молилъ смѧтенный старецъ.

„Люба Анно! а ходи но чѣмъ скорьше въ комнатȣ твоего мȣжа!" запищала въ входовыхъ дверѧхъ пȣстаѧ Амалїѧ, „ѧ дȣмаю, что оуже довольно налюбовалась бесѣдою съ тѣмъ пальцекрȣшителемъ, — вотъ ходи и обачишь комическїй оуборъ на нынѣшнїй балъ, долженствȣющїй слȣжити длѧ Гдна Оттона."

„Ѧ истинно любопытна есмь, ѧкъ онъ въ томъ оуборѣ выглѧдати бȣдетъ!" и потеклась равно легкомысленнаѧ Анна, бȣдьто запомнȣвши о присȣтствїи своего честного стрыѧ, въ дрȣгȣ комнатȣ; — но едва что примкнȣла двери, такъ и сейчасъ тїиж отворила, и кинȣвши мгновенный взоръ въ остолбенѣлого Бориса сказала: „А! бывайте здоровы стрыю! можетъ быти, что ѧ весною къ вамъ прїѣдȣ, — тамъ поговоримъ съ собою довѣреннѣйше!". . . .

Такъ оужасный оударъ не могъ оучтивый Борисъ легкодȣшно снести, бȣдьто смертный голосъ гомонили тїи послѣднїи слова несмысленной Анны въ его оушахъ, и поразили такъ жестоко старого воина, что онъ, вмѣсто съ комнаты выйти, на низкой лавочцѣ дȣшевного ослабленїѧ ради отдохнȣти хотѣлъ. Сѣвши себѣ оу дверей, погрȣзилсѧ онъ въ сȣмное дȣманїе, и такъ всколебалсѧ до живого, что пȣстивши слезамъ вольное теченїе первый разъ въ житїи ѧко мȣжъ сердечно зарыдалъ! „О несчастнаѧ, озлобленнаѧ Анно! ты оуже пропала цѣла на вѣки!" и опȣстивши головȣ, покрылъ лице твердою дланїю, и не оуставалъ про дȣшевнȣ погибель своей любимой Ганȣси горькїй плачъ продолжати, когда въ прилежащей комнатѣ отражающїй шалѣющїй смѣхъ развеселѧющихсѧ бȣдьто бѣсовскїй ироническїй стонъ дȣшȣ старика до дна прошивалъ. Всталъ старый герой, и еще разъ глѧнȣлъ отчаѧннымъ пращательнымъ взоромъ по комнатѣ, ѧкъ одинъ образъ, надъ ложемъ висѧщїй, цѣлое его вниманїе на себѣ свернȣлъ. Былъ то оный образъ представлѧющїй оумирающаго Ангела, дорога памѧтка по отцȣ Анны. Терпко оусмѣхнȣлсѧ Борисъ при томъ обозрѣнїи знакомой себѣ иконы, и съ печальнымъ воздыханїемъ: „Ахъ! и ты была ангеломъ,

а теперь оумираешь и запоминаешь о прежнемъ твоемъ непорочномъ житіи," — лопнулъ дверьми и бежалъ изъ того непріязненного места, въ немже рай земный найти думалъ. . . .

О! святая и непорочная чистото нравовъ! гдежъ имеешь ты въ нынешнихъ временахъ твое жилище, где твое оулюбленное место? Вотъ, иногда подъ соломенною стрехою, а иногда заблудишься до города, чтобы здешнему житейскому волненію присмотретись. — И ахъ! надармо взираешь до хаты прежней твоей обожательки, надармо! ибо ясная непорочность нравовъ и тамъ осквернилась!...

Затревожилась святая простота, и глянула съ стыдливымъ взоромъ изъ за кулисъ на сцену шумного міра, — а потомъ заслонивши лице белою ризою, помчалась ветромъ въ свою отчизну, зачемъ ей красная дочь невинность на облаки полетела, и тамъ оусевши, ревныи свои слезы въ тепломъ дождику на землюниспустила. —

XI

Уплыло оуже два месяцы отъ последнаго проишествія, исчезло и оное веселое время домашнаго сожитія Анны и Оттона, а оуспособленіе душевное Госпожи Россъ применилось снова совершенно за веющимъ ветромъ. — Прелестный Май оживилъ целу природу и все животное своимъ свежимъ дыханіемъ, въ всехъ оулицахъ столицы толпится безчисленное множество народа будьто въ пчельномъ оулею, но только Анна сидитъ въ своей сумрачной комнате сама, оуединенна съ завялымъ и печальнымъ лицемъ при столику и сумны мысли мотаются въ ей голове: Вотъ минаетъ оуже шесть седмицъ, якъ пустый Отто, насыщенъ двумесячнымъ супружескимъ сожитіемъ до Карлсбада выехалъ съ темъ выговоркомъ что хочетъ свое нарушенное здоровье тамъ оукрепити, но Господь знаетъ, до якого Карлсбада онъ поехалъ, ибо Анна писала больше нежели десять листовъ до оного места, — не получивши ни одного ответа. И такъ когда ей мужъ гдесь въ чужине шатается, принужденною есть молодая жена въ великомъ городе оуединенное житіе вести — оуединенное, ибо не можетъ розвеселитись отъ времени, якъ злобна Жанетта гдесь исчезла, и съ собою целу кассу своей госпожи, 500 реньскихъ оунесла, низвергаючи темъ деломъ Анну изъ оной беззаботной жизни въ печальное нерадеіе и совершенну нужду. Потому должна была Анна, не получивъ ніякого листа отъ мужа, свои дороги ризы и оуборы заставляти, дабы только до пришествія мужа очевидное бедствіе предъ светомъ покрыти. Но льстива Амалія приметила скоро тое домашнее разстроеніе своей подружки, и оусмотревши что оу опечаленной Анны оуже нетъ ей оувеселенія и средства, чтобы свою скудну мошенку наполнити, лишила Провиденію несчастну подружку, а не хотела более ею знати.

А тутъ плывутъ дни такъ оуныло для бедной Анны, что каждое мгновеніе видится въ ей комнате векомъ быти. До того грызетъ едкій червь ей смятенну совесть, и безпрерывно отзывается болезненный стонъ изъ ей груди за оное злобное принятіе своего добродея Бориса. „Горе мне обманенной!" рыдала она, „въ сладостныхъ оувеселеніяхъ и въ светной прелести мнила я оуспокоеніе страстное пріобрести, и я, несчастная дочь нужды, чуждалася въ ономъ шалеющемъ

мгновенїи моего стрыя привѣтствовати. Лишь добре мнѣ! ахъ! Якъ страшенная перемѣна! Тогда стояла я надменна въ моемъ ничтожномъ развлеченїи предъ моимъ дорогимъ стрыемъ, якъ яка вельможа, а теперь принуждена буду съ торбою убогой до ногъ его ползати, и о милостыню просити!

О Боже! страшный есть твой судъ! Тысяча разъ блаженнѣйша была я тогда, когда я оный снопокъ жала, и въ очахъ матери чистую ей утѣху читала, нежели въ томъ времени, коли злобная Амалїя мой умъ превратила, и ядъ смертный въ мою душу впѣскала. О! якже ужасно исполнился оный сонъ, опечалившїй мене передъ моимъ отъѣздомъ изъ дома родинного! О! смертоносный змѣй! якже ужасно онъ мене укусилъ! . . . . .

Боже! Боже! теперь покоряюся передъ твоимъ величествомъ и кличу день и ноцъ: Прости мнѣ, отче небесный, се злыи люди отвели мене отъ пути добродѣтели!"

Въ томъ отворилась дверь, а кухарка принесла ей якое-то запечатанное письмо. Съ жаждою кинула Анна свой взоръ на заглавныи черты письма, и радостно возсїяло ей лице, скоро узнала въ тѣхже руку своего мужа. отворивши нетерпѣливо печать, читала слѣдующїи слова:

Люба Анно!

„Въ часѣ, коли я тое пишу, лежу я, опасно въ дуеллѣ раненный, на ложѣ въ моемъ сельскомъ домку. Прошу тя прїѣзжай скоро, — уже знаешь по моему розказу тое мѣсто, — но прежде потрудися и продай всѣ домашнїи мебли. Такожъ изволи приликати къ себѣ оного жида Шмиля Рейнесъ, на Зарваницѣ въ угольномъ дому на третьемъ поверсѣ обитающаго, и заплати ему, про милость Бога мой давный долгъ, 700 ренськихъ изъ твоихъ излишныхъ грошей, а моя вѣчная благодарность, вознагородитъ тебѣ тое благодарное дѣло. Пращай, не могу болѣзненными членами долше шататись, — пращай . . .

Твой Отто."

Якъ временная тучею хмара долго надъ загроженнымъ предметомъ носится, пока съ страшеннымъ ударомъ не выпорожнится, такъ носилась надъ бѣдною сиротою черна тоска чрезъ нѣякое время, пока ею своими вредливыми крылами цѣлкомъ не покрыла.

Прочитавъ отчаянно скитавшимися очами несчастное письмо, приклонила голову, и упала въ свирѣпый обморокъ, въ тотъ обморокъ, которого наводитъ неизбѣжима, смертоносна нужда! Нѣсколько часовъ лежала на софѣ въ томъ скостенѣломъ положенїи, и только оная жестокая гадка, что тутъ идетъ о житїе своего мужа, привела ею до страшной дѣйствительности. Ибо хотя своего легкомысленного мужа истинно не любила, однакожъ чувствовала теперь въ себѣ якое то привязанїе къ умирающему участнику своего бѣдствїя. И чтожъ ей при такъ нечаянной вѣсти дѣлати — ей слабой женщинѣ? откуду тѣхъ 700 р. для заимодавца взяти, коли у ней кромѣ меблей нѣтъ и сломанного шелюга! откуду ей бѣднящцѣ только запаса взяти, чтобы раненному мужу скору отраду принести? а потомъ ктожъ восхочетъ при продажи ей домашнихъ вещей? О злобная доле! . . .

Тїи и подобны мысли снулись будьто страшны мары предъ ей душею, и

превратилыбы даже и здоровый разсудокъ сироты, еслибы внезапно рѣшительнымъ восторгомъ не ободрилась.

Вотъ пригадала она себѣ, что имѣетъ оный нашейникъ подаренный себѣ мужемъ, о которого высокой цѣнѣ Отто неразъ росправлѧлъ. Потому взѧла въ счастливой рѣшительности тое многоцѣнное сокровище, и кинувши послѣднїй сумный взоръ на тотъ памѧтникъ своей мгнокенной суетной славы, постановила, что пойдетъ сама сейчасъ до Шмилѧ съ тѣмъ нашейникомъ. Забыла несчастна къ томъ плачевномъ времени, ꙗкъ нечестно будетъ въ жидовскихъ толпахъ заимодавца искати, и что лучше бы было его къ себѣ призвати, но возмущенное волненїе души помрачило такъ совершенно ей чистый оумъ, что не вѣдаючи, ꙗкъ себѣ теперь поступити, густымъ покрываломъ лице заслонила, и въ путь на Зарваницу пустилась съ намѣренїемъ со Шмилемъ взглѧдомъ долгу и пролажи меблей поговорити.

И такъ сохранивъ при себѣ свое единственное сокровище, спустила очи къ земли, и будьто ꙗка преступница пробивалась между толпѧщимисѧ ꙗкъ мурашки, и рѣзвыми жидами на Зарваницѣ. Пришла въ входъ оного триетажного дома, гдѣ Шмиль имѣлъ обитати, и оглѧдалась боѧзливо въ темныхъ смрадныхъ сѣнѧхъ за сходами, проводѧщими на третее жилье. По долгомъ смотру встрѣтила въ самомъ темнѣйшемъ оуглу сѣней ꙗкїи то оузкїи сходы, которїи видѣлись не въ жилище человѣческое, но въ горню пещеру звѣрей вести. Єдва совершила половину того горнѧго путешествїѧ, ꙗкъ ꙗкїйто жидокъ, розбѣгшїйсѧ съ горы по главоломительныхъ сходахъ, такъ внезапно на Анну натеръ, что бѣдна женщина, потерѧвши въ той темнотѣ равновѣсїе о нѣсколько ступеней низъ покатилась, оглушенна тѣмъ нечаѧннымъ оударомъ. Не заботившисѧ ни наименьше оупадшею женщиною, скочилъ каправый жидокъ по прилежащу, и хватилъ при томъ на землѣ лежащїй бѣлый платокъ, который изъ рукъ Анны въ томъ паденїи невольно высунулсѧ. Встала, и ꙗкое было ей испуганїе, коли оного платка при себѣ не оузрѣла? — и опершисѧ на стѣну, поблѣднѣла ꙗкъ статуѧ; таже въ ономъ платку были ей золотыи перстени и серьги . . . . а еще оужаснѣйше задрожала, коли погадала на драгоцѣнный нашейникъ, — ахъ! и тотъ исчезъ!

И заломивъ руки, стала по землѣ свое цѣлое счастїе искати, — и ꙗкже оурадовалась, коли подъ стѣною свой нашейникъ прїобрѣла. Очевидно не замѣтилъ жидъ въ темнотѣ тую дорогу вещь покатившусѧ съ платка въ оуголъ стѣны. . . . .

Се выцарапалась она оуже на третее жилье, и обозрѣлась боѧзливо, не знаючи въ котору изъ трехъ дверей пуститись. Стоѧла бѣдна Анна въ томъ положенїи съ четверть часа и притискаючи свой бисеръ къ нѣдру, встрепенулась при мысли, что ꙗкїй другїй злодѣй возможетъ и тое лишенное ей сокровище отобрати. И застучала легко въ первы двери, чтобы оуже разъ до того Шмилѧ достатись, — застучала вторый разъ по суетномъ первомъ оусилїи и то сильнѣйше, и се высунулась стара, ободранна — страшна жидовка изъ черной клѣти съ вопросомъ: „Чего хочете?”

— „Прошу васъ, скажите мнѣ, тутъ-ли обитаетъ Шмиль Рейнесъ?” отвѣчала дрожащимъ голосомъ госпожа Россъ.

„Ахесъ миръ? чтожъ вы отъ него хочете? мой зать сидитъ тамъ на горѣ!"

— „Якъ-то? таже въ томъ домѣ сѫть только три поверхи?"

Ай вай! съ такою невѣждою! Идите тѫда на вышкѫ, тамъ четвертый поверхъ, тамъ мой зать."

Боязливо отвратилась Анна отъ той невѣчтивой жидовки, и вышедши на той четвертий поверхъ, отворила единственныи двери, ведѫщіи до Шмиля. Встѣпила въ внѫтрь до хаты, и якій-то несносный смрадъ и дымовый мракъ привѣтствовалъ нѣжнѫ Аннѫ, — и едва что оузрѣлась въ комнатѣ, якъ толпа жидовъ и каправыхъ дѣтей несмѣлѫ Аннѫ окрѫжила съ восклицаніемъ: Ай! якась госпожа! видно богатая! . . чего вы тѫтъ заблѫдили?"

— „Мнѣ нѫжно поговорити съ Шмилемъ Рейнесъ застогнала оустрашенна сирота.

„Я есмь Шмиль!" отозвался жидокъ съ огромнымъ носомъ и малыми зелеными очами, имѣющій на себѣ только лихій лапсердакъ.

— „Я хотѣлабы съ вами чтось на самѣ поговорити."

„Ай вай! вы можете тѫтъ и найтайнѣйшіи совѣты сказати. То сѫть мои братья, родственники и дѣти.

— „Лишь я оумоляю васъ безъ тѣхъ свидѣтелей со мною бесѣдити," — сказала боязливо Анна открываючи свое лице.

„А то вы Госпоже Россъ! ай кто бы то дѫмалъ, что ваша достойность мене посѣтитъ! Прошѫ до прилежащей комнаты потрѫдитися!". . . и по тѣхъ словахъ ввелъ жидъ Аннѫ въ якѫю то пещерѫ, исполненнѫ различными старыми меблями, одеждами, металломъ и иными подробными вещами. — „Иной комнаты не имѣю, а тѫтъ хотя не опрятно, за тое безпечно до тайныхъ бесѣдъ! мѫдровалъ маленькій жидъ.

„И якое дѣло имѣетъ ваша достойность со мною?

—„Мой мѫжъ взялъ былъ передъ двома годами отъ васъ взаимъ 700 реньскихъ, — было бы оуже на времени тотъ долгъ отдати; но бѫдѫчи при злобныхъ домашнихъ приключеніяхъ въ монетѣ тое вамъ выплатити не могѫ, и потомѫ пріимите вмѣсто грошей драгоцѣнное сокровище. . . . говорила стыдливо Анна и вынялa изъ нѣдра золотый нашейникъ. (П. с.)

ДОПИСЬ ИЗЪ СТРЫЙСКОГО

„Честь, кому честь!" Такъ читалъ я въ 20. Ч. премилой намъ Зори Галицкой тѣ окончательны слова дописывателя Львовского подъ буквою Х., который надъ неутомимыми трудами ВП. Намѣстника Львовского и украсителя храма св. Пятницы всепохвально изливается. И воистину! Гнъ Х. не придалъ ничего ни найменьшаго до достойного почитанія оного ревнителя, поневаже якъ всѣмъ извѣстно, трудъ реченного Намѣстника въ винагородѣ Христовомъ, и его нравственность всецѣла и благопримѣрнѣйшая есть. Память его жити будетъ съ родомъ нашимъ! — Но не только лишь во Львовскомъ намѣстничествѣ исключно, также и по инымъ мѣстцамъ суть поборники народного просвѣщенія, и обряда нашего; суть ревнителя въ украшеніи и созиданіи Храмовъ Господнихъ. И такъ устроились подъ ревнымъ подвигомъ ВП. Іосифа Шумского Намѣстника Журавенского въ тѣхъ послѣднихъ годахъ въ томже деканатѣ 19 тривіяльныхъ училищъ; а подвигъ той есть тѣмъ болѣе удивительнымъ, понеже убожество жителей здѣшнихъ странъ нiякъ съ достатками Подолянъ сравнити не дастся. Отъ година 1851 посвятилъ ВП. Намѣстникъ Журавенскій 5 святынь божіихъ, новосозданныхъ ревностію мѣстцевыхъ священниковъ, и тѣмъ образомъ въ союзѣ съ содеканальными братьми воздалъ темному сельскому народу поруку больша-

го образованія и нравственной постоянности. И воистинну! если нашъ селянинъ имѣетъ красно создану церковь устроенну не богомазами, лишь лучшими твореніями искуства, при томъ довольно пространну; если дьякъ, вѣдаючій хорощо свое званіе канторское, заспѣваетъ благозвучно съ дьячками и хлопцами, — о! тогда не будетъ нашъ селянинъ дома на лавцѣ или въ стодолѣ, черевомъ до горы положившись, дремати, и не пойдетъ въ время Богослуженія до корчмы, но будетъ славити общимъ хоромъ Господа Вселенной! Тогда не будетъ оныхъ то выговорковъ: „Ей! та то у насъ въ маленькой церковцѣ такъ душно въ лѣтѣ, что честному человѣку и выстояти трудно; а старый дьякъ якъ начнетъ самъ немилосердно рыпѣти, то даже серденько краетса; вотъ ходимъ кумонько Иване троха на дворецъ, да перевѣтримся коло любой корчмы!" — — А что касается тѣхъ численныхъ училищъ, то и оныя будутъ издавати колись свои овощи, — если не сейчасъ, то въ позднѣйшихъ временахъ; ибо нашъ селянинъ, обдержимъ различными суевѣріями не хочетъ такъ скоро дѣти до школы посылати, понеже отцы его такъ дѣлали и радше гонитъ онъ тіижъ на толоку до любой скотины, гдѣ съ волами и коровами также и тіи маленькія дѣти дико пасутся! Но прійдетъ не задолго время, коли и нашъ селянинъ возможетъ познати пользу заведенныхъ училищъ. А тое тогда станется, когда уже нѣсколько десятокъ хлопцевъ будетъ знати на книжочцѣ читати, когда старый отецъ и старая мати вмѣсто небылицъ на скучныхъ вечерницахъ стъ говорливыхъ дѣвокъ при кудели слышати, внимати будетъ своей дитинѣ, якъ она хорошія сказочки изъ книжки прочтетъ; или чтось красно написанного имъ покажетъ; а вѣдомо есть, якъ нашъ селянинъ каждого письменного почитаетъ, и шапку передъ нимъ съ челобитіемъ приклоняетъ. Итакъ, якъ сказано есть, только подъ вышереченными условіями будетъ умственный гараздъ между нашими селянами! Пишучи сіе не могу я не обнародовити потѣшное состояніе сельского народного успособленія въ Козарѣ тогожъ Журавенского деканата. — Если пѣніе питомцевъ Семинаріи совершаемое хоромъ въ Архикатедрѣ Львовской дѣлаетъ на слушателей любое, неизгладимое впечатлѣніе; то по истинѣ, подобное вліяніе дѣлаетъ на чувство тое зрѣлище, если внимается якъ въ помянутомъ селѣ разомъ съ честными дьячками весь народъ при Богослуженіи воспѣваетъ, якъ великое число паробковъ и дѣвчатъ изъ книжечокъ молится, якъ красно при катихизаціи цѣлое юношество отвѣтствуетъ!! Словомъ, кто одинъ разъ видѣлъ тое зрѣлище святое, тотъ будетъ часто оное припоминати себѣ въ своемъ житіи.... „Честь, кому честь!".. Все тое касается Журавенского деканата, въ немже при помощи Всевышняго чѣмъ разъ изобильнѣйшіи овощи винограда Христова являются. Впрочемъ тая надежда воздвигаетъ насъ къ бодрственности, что при благомъ и отцевскомъ правительствѣ Австрійской Державы и Клиръ и народъ почивати будетъ подъ непоборимымъ щитомъ мирной и свободной счастливости!....

Е—нъ

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ПРЕДПЛАТѢ.

Нѹ славити Бога, третій квартал оуже окончиваетсѧ! Зорѧ Галицка, выдержавъ счастливо прошлогодовую кризисъ свою, ласкаетъ себѣ теперь надеждою, что потерѧнное довѣріе, тотъ главнѣйшій союзъ всѧкихъ предпринѧтій, — оу своихъ почт. читателей снова пріобрѣла. На основаніи того то довѣрїѧ оумолѧемъ всѣхъ нашихъ почт. читателей, чтобъ излишны долги за вторый и третій кварталъ, — когда Богъ обильною жатвою нашъ край поблагословилъ, скоропостижно заспокоили, и также на послѣдній кварталъ благосклонно подписались. —

От Редакціи.

Тvпомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.